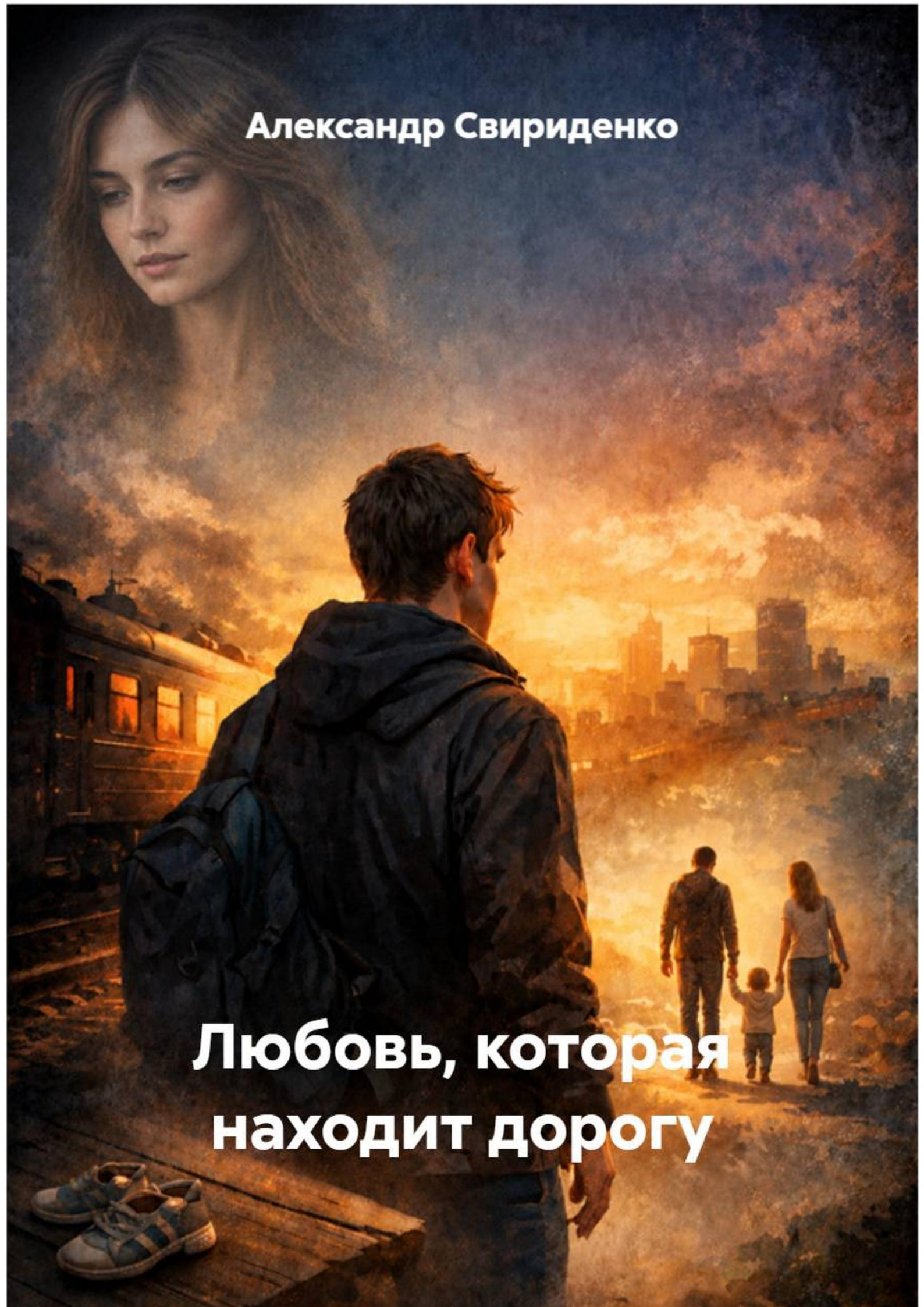

Александр Свириденко

**Любовь, которая
находит дорогу**

Александр Свириденко

Любовь, которая находит дорогу

«Автор»

2026

Свириденко А.

Любовь, которая находит дорогу / А. Свириденко — «Автор»,
2026

Он хотел сбежать от прошлого: сменил город, друзей, даже себя. Но прошлое нашло его само — на пороге новой квартиры, в виде девушки, которую он когда-то любил молча и безнадежно. Теперь она здесь, и старая боль превращается в нечто большее. Только судьба готовит не только счастье, но и удар, который перевернёт всё. История о том, как любовь не прощает слепоты — и как она способна возродиться из пепла, когда, казалось, уже ничего не осталось.

© Свириденко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Свой угол	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Свириденко

Любовь, которая находит дорогу

Пролог

Поезд увозил меня. Прочь от затхлых подъездов, от взглядов, полных презрения, от самого себя. Я смотрел в окно, но видел не пейзажи, а лицо отца в день отъезда. Он молча вложил мне в ладонь ключ. Один-единственный ключ от однокомнатной квартиры в тысячах километров отсюда. Его главный жизненный проект. Мой билет в другую реальность.

«Там все будет по-другому, сынок», — сказал он, и в его глазах я прочел то, что мы никогда не проговаривали вслух. Он знал. Всегда знал.

В кармане ключ отдавал холодом металла. А в руке грелся и вибрировал телефон. Экран пылал именем: «Марина». Она не звонила — она бомбила. Десяток пропущенных. Последняя ниточка, связывающая меня с тем миром.

И этот вибратор вгрызлся в ладонь, возвращая меня во вчера. В тот самый день, когда все окончательно рухнуло.

Я пришел к ней, чтобы сказать. Сказать, что уезжаю завтра. Что всё кончено. Возможно, в глубине души я надеялся на чудо. Что она посмотрит и поймет всё без слов.

Она открыла дверь, улыбка как всегда — солнечная и слепящая.

— Саш! Заходи!

Я еще не успел открыть рот, как она выпалила:

— Представляешь, Сергей пригласил меня на свидание!

Мир замер. Сергей. Его лицо, искаженное усмешкой, когда он прижимал мое лицо к стене. Его тупая, самодовольная рожа. Его прихвостни. Вся боль, весь унижительный страх, который я глотал годами, поднялся комом в горле.

И она она говорит об этом с таким огоньком в глазах. С таким возбуждением. Она даже не понимает, что эти слова для меня — плевок в душу. Для нее это просто «новость». А для меня — приговор.

Я стоял и смотрел на нее. На ее сияющие глаза. И видел лишь жестокую, простую правду: для Марины Сергей — это парень, который пригласил ее на свидание. Интересный случай. А я я просто Саша. Фон. Друг. Ничто.

Вся моя тихая, подпольная работа над собой — все эти часы в спортзале, все эти синяки и ссадины от тренировок — всё это оказалось бессмысленным. Я построил себя нового для нового мира, а в старом я так и остался тем самым жалким затворником, на которого даже лучшей подружке плевать.

— Круто, — выдал я, и голос мой прозвучал хрипло. — Он парень что надо. Вам будет весело.

Ее улыбка не дрогнула. Она ничего не поняла. Ничего.

Я не сказал ей об отъезде. Просто ушел. Впервые за всю нашу дружбу я солгал ей молчанием. Но для меня это была не ложь. Это было прощание.

Поезд мчался, унося меня в ночь. Телефон вновь заходил в истеричной вибрации. «Марина». Солнечный зайчик, который оказался всего лишь отражением в луже.

Я поднес телефон к лицу. Большим пальцем нашел маленькую кнопку на торце. Зажал. Экран потух. Вибрация смолкла.

Тишина.

Я вынул лоток, достал оттуда сим-карту. Открыл окно и маленький кусочек пластика улетел в прошлое, где осталось моя старая жизнь.

Я достал из кармана тот самый ключ. Он был холодным и тяжелым. По-настоящему тяжелым.

Впереди был новый город. Новая жизнь. Другой я.

Глава 1. Свой угол

Дверь поддалась не сразу, скрипнув на петлях, будто нехотя впуская нового хозяина. Я переступил порог и замер.

Квартира.

Не комната в общежитии, не угол в чужой квартире. Моя. Та самая, на которую отец копил восемнадцать лет. Воздух был неподвижным, пыльным и прохладным. Пахло линолеумом и старой мебелью.

Я медленно прошел по пустому пространству, звук шагов гулко отдавался в голых стенах. Гостиная-спальня. Одно большое окно, затянутое пыльной марлей, за ним – незнакомый городской пейзаж, серый и чужой. В углу – заляпанный комод, оставшийся от прошлых жильцов. Рядом – раскладывающийся диван с протертой обивкой. Вид у него был усталый, но надежный. На кухне – старенький холодильник, газовая плита и одинокий стул.

Я бросил рюкзак на пол. Звук упавшей ткани был оглушительно громким в этой тишине. Тишина.

Она была другой. Не той, давящей тишиной моей комнаты, где за стеной слышны были голоса родителей и где я всегда ждал, что вот-вот в дверь постучат, чтобы снова унижить. Эта тишина была моей. Я мог нарушить ее, а мог оставить нетронутой. Полная власть.

В кармане лежал мой старый, потрепанный, но исправный телефон. Внутри него – новая сим-карта, купленная в соседнем киоске полчаса назад. Чистый лист. Никто в мире не знал этого номера. Ни отец, ни мама Ни Марина.

Мысль о ней все еще была острой занозой. Я почти физически ощущал, как старый телефон жужжит у меня в кармане, как горит экран. Но это было лишь эхо памяти. Теперь телефон молчал. Навсегда.

Мне нужно было сделать единственный звонок. Тот, без которого нельзя.

Я набрал номер матери. Долгие гудки. Сердце заколотилось глухо, по-старому.

– Алло? – ее голос показался таким далеким.

– Мам, это я.

– Сашенька! Ты доехал? Живой, здоровый?

– Да, мам. Все нормально. Квартира хорошая.

Небольшая пауза. Я знал, что будет дальше.

– Знаешь, в день твоего отъезда заходила Марина. Прибежала, вся взволнованная, спрашивала, где ты, почему не отвечает. Говорит, ты ей даже не сказал, что уезжаешь. Мы с отцом думали, ты предупредил... Она так расстроилась, чуть ли не плакала.

Колющий комок подкатил к горлу. «Расстроилась». Да, конечно. Ее игрушка сбежала, не попрощавшись.

– Мам, – голос мой прозвучал резче, чем я хотел. – Просто не надо. Не надо про нее. Ладно?

С той стороны линии повисло тяжелое, понимающее молчание. Мама что-то знала. Или догадывалась.

– Хорошо, сынок. Не буду. Позвони отцу, когда устроишься, он волнуется.

– Позвоню. Пока.

Я положил трубку. Звонок был сделан. Связь со старым миром сократилась до двух номеров. И на том спасибо.

Вечер. Я распаковал ноутбук, подключил его к розетке. Сеть в квартире была. Первым делом я проверил старые страницы. Соцсети, где я был «Саша-тихоня», где были фотографии с

Мариной, где в друзьях висели одноклассники, с которыми я никогда не общался. Все аккаунты были удалены. Чисто.

Я создал новые. Другой ник. Другое фото – нейтральный пейзаж за окном вместо своего лица. Все настройки приватности – на максимум. Только для друзей. Будущих.

Если они вообще появятся.

Я закрыл ноутбук и снова оглядел свою пустую квартиру. Впервые за долгие годы я был полностью один. И это было не страшно. Это было началом.

Первый день в институте встретил нас прохладным утром и безразличием бетонных стен. Я шел по коридору, стараясь держать спину прямой, но старый инстинкт заставлял плечи съезжаться. Толпа абитуриентов, а теперь уже студентов, бурлила вокруг — громкий смех, знакомства, объятия. Я прошел сквозь этот шум, как призрак, стараясь ни с кем не встретиться взглядом.

Аудитория была большой и светлой. Мы расселись как придется. Я выбрал место у окна, в задних рядах — чтобы видеть всех, но оставаться на периферии.

Вскоре вошла женщина лет сорока со строгой, но не лишенной тепла улыбкой — наш куратор, Елена Викторовна. Она начала стандартную вступительную речь: о традициях вуза, о важности учебы, о правилах. Я слушал вполуха, наблюдая за группой.

Они были такими разными. Шумные компании, уже успевшие сбиться в стайки. Скромные одиночки, прячущиеся в телефоны. Девушки, бросающие на окружающих оценивающие взгляды. Я мысленно ставил на них галочки: «свой», «чужой», «потенциальная угроза». Старая, выстраданная привычка.

И вот он. Парень с рыжими вихрами и веснушчатым носом, сидевший через ряд. Он не умолкал с самой минуты прихода, болтал с соседями, шутил, заразительно смеялся. Казалось, его энергия заряжала воздух вокруг. Полная моя противоположность. Тип людей, которых я инстинктивно избегал — слишком ярких, слишком заметных.

Лекция куратора подошла к концу, началась раздача расписаний и документов. Все задвигались, выходя к столу. Я отсиживался, планируя подойти последним, когда толпа рассядется.

И вдруг этот рыжий вихрь оказался прямо передо мной.

— Ну что, коллега, вперед, за счастливым студенческим билетом? — он ухмыльнулся, и его зеленые глаза смеялись. — Я, кстати, Димка.

Он протянул руку. Просто так. Без колебаний. Я на секунду застыл, глядя на его ладонь. Старые механизмы в голове закрипели, анализируя угрозу. Насмешка? Провокация?

Но в его взгляде не было ни капли издевки. Только открытое, немного беспшашное дружелюбие.

Я медленно, почти неловко, пожал протянутую руку.

— Саня, — коротко представился я, и мой голос прозвучал тише, чем я хотел.

— Отлично, Саня! Значит, пойдем вместе страдать над высшей математикой, — Димка без приглашения пристроился рядом, пока мы двигались к столу. — Ты откуда сам? Я с Волги.

Он продолжал нести свой легкий, ненавязчивый бред, не требуя развернутых ответов. И что-то во мне, заскорузлое и настороженное, понемногу начало оттаивать. Это было незнакомое и пугающее чувство — когда кто-то подходит к тебе не для того, чтобы ударить или унижить, а просто так.

Возможно, я ошибался. Возможно, это была очередная ловушка.

Но когда мы вышли из аудитории с заветными зачетками в руках, и Димка, уходя, крикнул: «Ладно, старина, завтра увидимся!», я понял, что сделал свою первую заявку на новую жизнь. Не громкую и не победную. Но — первую.

Дружба с Димкой развивалась с той же стремительной, немного оглушительной скоростью, что и все, что он делал. Он ворвался в мое уединение, как ураган, не спрашивая разрешения. И, к моему удивлению, мне это начало нравиться.

Через пару дней он, хлопнув меня по плечу, заявил: «Сань, хватит скучать, идем знакомиться с нормальными людьми». И повел меня в кафе на территории универа, где за столиком его уже ждали двое.

– Это Макс и Света, – представил Димка. – Мы с детства вместе. Не бойся, они кусаются только по большим праздникам.

Максим был высоким, спокойным парнем с внимательным взглядом. Он кивком поприветствовал меня, и в его сдержанности было что-то понятное. А Света Света была красивой. Неброской, но какой-то очень светлой. Стройная, с темными гладкими волосами и открытой улыбкой. Она сразу начала расспрашивать меня о впечатлениях от города, о группе, и разговор как-то сразу пошел легко, без напряжения.

Я влился в их компанию с непривычной для себя легкостью. Сидели в кафе, гуляли по городу, болтали ни о чем. Они были нормальными. И в этой нормальности была какая-то исцеляющая сила. Я ловил себя на том, что перестал сутулиться в их присутствии, что смеюсь не из вежливости, а потому что действительно смешно.

Как-то раз, когда в общежитии у них был очередной «запрет на посещение», мы собрались у меня. Сидели на полу в гостиной, потому что стул был всего один, пили чай и играли в карты.

Было тепло, уютно и по-настоящему по-дружески. В такие моменты старое «я» отступало, превращаясь в смутную тень.

И вот, в очередной затянувшейся паузе, Димка, развалившись на моем диване, с присущим ему прямолинейным любопытством спросил:

– Сань, а у тебя вообще есть девушка? Там, на родине? А то, смотри, – он подмигнул, кивнув в сторону Светы, – у нашей Светки, между прочим, никого нет. Дело-то выгодное.

Света фыркнула и швырнула в него подушкой:

– Димка, хватит нести чушь!

Но она покраснела. И я на секунду задержал на ней взгляд. Она была действительно прекрасной. Умной, веселой, красивой. И мысль «а почему бы и нет?» мелькнула где-то на поверхности.

Но тут же, из самых потаенных глубин, поднялся другой образ. Марина. Ее смех, ее солнечные блики в волосах, та боль, что сжимала сердце при ее воспоминании. Эта любовь еще была жива. Она была как незаживающая рана, и прикрыть ее новым чувством не получалось.

Все смотрели на меня. Максим с легким интересом, Света – со смущенным любопытством, Димка – в ожидании пикантной истории.

Я опустил взгляд в свою кружку, почувствовав, как на щеках выступает краска.

– Была одна девушка. Безответная любовь, – я произнес тихо, но четко. – Но это в прошлом. Я не хочу сейчас об этом говорить.

Повисла недолгая, но ощутимая пауза. Было слышно, как за окном проезжает машина.

Димка, к его чести, тут же перевел тему, начав рассказывать какой-то дурацкий анекдот про шаурму. Напряжение ушло. Света улыбнулась мне понимающе, а Максим просто кивнул, как будто говоря «все в порядке, бывает».

Но в ту ночь, после их ухода, я долго лежал в тишине и смотрел в потолок. Образ Марины не давал покоя. Я думал о том, что создал новый аккаунт, нашел новых друзей, новую жизнь. Но вычеркнуть ее из сердца оказалось самой сложной задачей.

Два месяца.

Они пролетели как один сплошной, шумный, насыщенный день. Я вжился в ритм: пары, библиотека, прогулки по незнакомым улицам, которые постепенно начинали становиться привычными. С группой у нас сложилось ровное, хорошее общение. Меня больше не игнорировали и не откровенничали со мной — я был своим, но не самым заметным. Идеально.

Каждый день был с Димкой, Максом и Светой. Они стали моим тылом, моей маленькой семьей на чужой земле. Мы готовили вместе у меня на кухне, смотрели фильмы, валяясь на полу, спорили о пустяках. Я смеялся. По-настоящему.

Были даже пара свиданий. С симпатичной Аней с экономического и с застенчивой Ирой с журфака. Милые, приятные девушки. Мы пили кофе, болтали. Но дальше первого свидания дело не шло. Не было той искры, того внутреннего толчка, чтобы захотеть продолжить. После встречи я чувствовал лишь легкую пустоту и понимание, что не хочу звонить снова.

Потому что вечером, когда я оставался один в тишине своей квартиры, наступало ее время. Время Марины.

Она приходила перед сном, когда силы защищаться были на исходе. Не образ, а чувство — острая, сжимающая сердце тоска. Я лежал в темноте и предавался ей, как мазохист. Вспоминал ее смех, как она морщила нос, когда думала, как ее рука случайно касалась моей. Эта боль стала моим ночным ритуалом, подтверждением, что все, что происходит со мной днем — лишь удачная декорация, а настоящий я по-прежнему там, прикован к ней невидимой цепью.

И вот наступила пора первых студенческих каникул — пять заветных дней без пар. Институт замер в предвкушении. Везде царил лихорадочный отъезд. В коридорах, в группах в чатах — только и разговоров, что о билетах, о том, кто что везет из дома, кого родители будут встречать.

«Саня, ты точно не едешь?» — спрашивал Димка, закидывая вещи в рюкзак. Они втроем снимали купе в одном плацкарте.

Я качал головой.

— Далековато. Да и дел тут много.

Они переглядывались, но не давили. Я видел, они понимали. Чувствовали, что за этим «далековато» скрывается что-то большее.

И вот наступил вечер перед их отъездом. Мы сидели у меня, и квартира, обычно наполненная их голосами, казалась огромной и пустой, как будто уже попрощалась с ними.

— Ну, держись тут, — хлопнул меня по плечу Максим. — Не скучай.

— Обязательно скучай! — поправила Света, улыбаясь. — Но не очень. Мы быстро.

Димка просто обнял меня с размаху, оглушительно крикнув в ухо: «Не разорю квартиру без нас!»

Я вышел их проводить и долго стоял у подъезда, глядя, как их фигуры растворяются в сумерках. Потом поднялся обратно.

Тишина.

Не та, благотворная тишина уединения, а гулкая, давящая. Пустота, в которой эхом отзывался стук колес того самого поезда, что привез меня сюда. Теперь этот поезд увозил отсюда всех. И я оставался один на один с городом, со своей новой жизнью и со старым призраком, который, я знал, теперь выйдет из тени, чтобы править бал все эти пять долгих дней.

Первый день каникул прошел именно так, как я и предполагал — в ленивом, амёбном прозябании. Я валялся на диване, бесцельно листая каналы телевизора, потом переключился на книгу, но и она не шла. Запустил компьютер, но даже видеоигры не могли отвлечь от гнетущего чувства одиночества, которое усугублялось звенящей тишиной.

Мысли сами собой возвращались к дому. Вернее, к тому, что я когда-то считал домом. Я представлял, как Димка сейчас уже вовсю уплетает мамины котлеты, как Макс и Света гуляют

по знакомым улицам. И представлял, как Марина... Нет, это я запретил себе. Эта дверь была заперта на все замки.

Вечер опустился за окном, окрасив город в синеватые сумерки. Я уже собирался заварить себе очередную кружку чая, как вдруг раздался резкий, настойчивый звонок в дверь.

Сердце на мгновение екнуло. Димка? Нет, он уехал, да и у него есть запасной ключ. Курьер? В такую-то пору? Я никого не ждал.

Настороженность, въевшаяся в подкорку за годы травли, заставила двигаться беззвучно. Я подошел к двери, стараясь не скрипеть половицами. Вздохнул и прильнул к глазку.

И мир перевернулся.

Сердце не просто екнуло — оно остановилось, замерло в груди комом ледяного изумления. Потом рванулось в бешеной гонке, ударяя против ребер, вышибая дыхание.

В тусклом свете лампочки на площадке стояла она.

Марина.

Снежок таял в ее растрепанных ветром волосах. Щеки горели румянцем от холода. В огромных глазах — смесь страха, надежды и такой усталости, что сердце сжалось уже по-другому. Она стояла, прижимая к груди маленький рюкзачок, и вся ее фигура словно спрашивала: «Ты ли это? Я не ошиблась дверью?»

Время остановилось. Я не двигался, не дышал, пригвожденный к щели глазка. Мыслей не было. Была только она. За тысячи километров от дома, на пороге моей новой жизни, стояло мое старое проклятие. Или спасение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.